

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви
Дом, в котором нет тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопротивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки
Фея Альп
Первые ласточки
Капризы юной леди
Мечта влюбленного мальчишки

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Хочу «Оскар»!

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Мечта
влюбленного
мальчишки

МОСКВА
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Werner
RUNEN

Перевод с немецкого *В. Кудряшова*

Художественное оформление *С. Власова*

Вернер, Элизабет.

В35 Мечта влюбленного мальчишки / Элизабет Вернер ; [пер. с нем. В. И. Кудряшова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Colombina.Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-87493-4

После смерти отца юный Бернгард оказывается в Германии на попечении дяди. Вот только новый дом словно тюрьма, из которой никак не сбежать. Всей душой юноша стремится в дорогой сердцу край — норвежский Рансдаль. Но с каждым днем его мечта все дальше от него. Ведь у судьбы совсем иные планы...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Кудряшов В.И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87493-4

Глава 1

Страда была в разгаре, и поля пестрели крестьянами, убирающими урожай. Золотые колосья еще не скошенной пшеницы переливались волнами, а уже связанные снопы едва ли в другие годы бывали роскошнее и тяжелее. Картину мирной сельской жизни ярко заливало своими лучами горячее августовское солнце — на белесом летнем небе не было ни облачка.

Впрочем, пейзаж был типичен для севера Германии, и старый помещичий дом, затерявшийся среди необъятных полей, выглядел эффектно только благодаря громадному парку, находившемуся позади него. Сам дом — большое здание самой простой архитектуры, построенное еще в начале девятнадцатого века, создавало внушительное впечатление только благодаря длинному ряду окон и высокой крыше.

Обычно это поместье, носившее гордое название Гунтерсберг, пустовало — его владелец, барон Гоэнфельс, сдавал принадлежащие имению земли в аренду, так как сам находился на государственной службе. Только летом он приезжал сюда на несколько недель в отпуск. Вот и сейчас поднятые занавеси и несколько открытых окон верхнего этажа говорили о том, что барон дома.

Лучи вечернего солнца ярко освещали большую угловую комнату, меблировка которой вполне соответствовала общему виду старинного, солидного, но чопорного и простого дома. Красные занавеси и такая же обивка на мебели давно полиняли; единственным украшением стен служили несколько фамильных портретов, а над камином висела старинная картина, писанная масляными красками и изображавшая родословное древо Гоэнфельсов со всеми его разветвлениями.

В комнате оживленно разговаривали двое мужчин. Один из них, лет сорока с небольшим, с легкой проседью в волосах, имел внешность аристократа. Черты его лица были холодны и серьезны, а глаза как будто пронизывали насквозь.

Так смотрят люди, привыкшие доходить до самой сути и в делах, и в отношениях с людьми. Внешний вид его собеседника, приблизительно тех же лет, выдавал помещика, мало соприкасающегося с городской жизнью; коренастый, приземистый, с выражением полнейшего довольства и добродушия на загорелом лице, он сидел, развалившись в кресле, и говорил с легким упреком:

— Да, давненько мы с тобой не виделись, Гоэнфельс! Уже год, как ты не был здесь, и даже не писал. Правда, у правительственных чиновников никогда не бывает времени для нас, скромных провинциалов, они заняты большой политикой, которая всегда была твоим коньком.

— У меня действительно не было времени, — ответил Гоэнфельс. — Ты знаешь, меня рвут на части, а Гунтерсберг в хороших руках, ты сам рекомендовал мне теперешнего арендатора.

— Конечно, твой арендатор — прекрасный человек и знает свое дело, но мне это все-таки не подошло бы; я хочу сам быть хозяином и господином на своем клочке земли. В свой Оттендорф я никогда не пушу арендатора.

— У тебя совсем другая натура, Фернштейн, ты помещик до мозга костей, меня же эта роль не удовлетворяет. Хочется чем-то отличаться от других и что-нибудь значить, а здесь...

Пожатие плеч и взгляд, брошенный в окно, дополнили эти слова. В окно была видна мирная, но бесконечно скучная, однообразная картина: только поля да луга, да кое-где островки леса, а на некотором удалении — церковь и деревенские домики; под понятие «жизнь» эта обстановка решительно не подходила.

Фернштейн, ближайший сосед по имению и друг юности барона, засмеялся и ответил с добродушной иронией:

— Еще бы! У нас тут ведь сельская идиллия, а это никогда не было в твоем вкусе. Ты ведь первый в министерстве после своего начальника и сам скоро будешь министром.

— Ну, скоро не скоро, но когда-нибудь — весьма вероятно, — спокойно ответил барон. — Впрочем, ты еще не знаешь, что привело меня сюда на этот раз: умер Иоахим.

— Иоахим? Твой брат?

— Три недели назад. Вести с дальнего севера идут ужасно долго. С ним случилось несчастье на охоте из-за неосторожного обращения с ружьем, так, по крайней мере, мне пишут. Впрочем, скоро я узнаю подробности.

— Вот как! — медленно проговорил Фернштейн. — Умер на чужбине!

— Да, умер, погиб! — утвердительно кивнул Гоэнфельс.

— Ты, кажется, очень спокойно относишься к смерти единственного брата? — заметил хозяин Оттендорфа.

— Для меня он уже давно умер, — ответил барон. — Он бросил семью, родину, друзей, ушел с ненавистью в сердце; после этого естественный конец — умереть одному на чужбине.

— Да, это был крест для всех вас, — согласился Фернштейн. — Но, пожалуй, вам следовало бы обращаться с Иоахимом иначе: он не выносил строгости, а вы сослали его сюда, в Гунтерсберг, да еще устроили этот брак. Он довершил дело; разве могла такая горячая голова, готовая помериться силами с целым светом, выдержать в таком уединении да еще в оковах такого брака?

— Это была последняя попытка спасти Иоахима для семьи. Ведь к тому времени он уже сделал свое пребывание в полку совершенно невозможным — барон Гоэнфельс, открыто симпатизирующий анархистам! Мы надеялись, что здесь он образумится, и хотели удалить его от опасных влияний, от которых не смогли уберечь в Берлине. Наш план не удался.

— Этот брак на твоей совести, — заметил Фернштейн. — Гениальный сумасброд Иоахим и... не в гневе тебе будет сказано, Гоэнфельс, твоя невестка со своим древним графским титулом была набитой душой!

Барон поморщился: грубое замечание явно поколебало его, но он ответил спокойно:

— Ей было всего шестнадцать лет, когда она стала невестой. В этом возрасте умственную ограниченность нетрудно принять за девичью застенчивость и незнание жизни, и я сделал эту ошибку. Не отрицаю, план женитьбы брата исходил от меня, но Иоахим этого не знал. Малейшая попытка заставить его чем-нибудь заняться вызывала в нем бурю негодования, но он влюбился в хорошенькую девушку, еще полудитя, и принялся мечтать о том, как поцелуями разбудить этот нежный бутон, чтобы он распустился и превратился в прекрасный цветок, ведь он все воспринимал по-своему. Но когда он увидел, что цветок оказался без аромата, мечтам пришел конец, и его уже не могли удержать ни брачные узы, ни родившийся у них ребенок, и он слепо, не рассуждая, ринулся навстречу гибели. В конце концов, мы должны еще радоваться, что он покинул родину, иначе нам пришлось бы пережить еще что-нибудь похуже.

— Все-таки жаль! — вполголоса заметил Фернштейн. — Такой красивый, смелый юноша, всеобщий любимец!

— Что ж, ведь он нашел так называемую свободу, ради которой всем пожертвовал, — резко возразил Гоэнфельс. — Он порвал «рабские цепи» традиций, семьи и воспитания ради того, чтобы жить среди простых людей на севере. И еще вопрос, как все было на самом деле: мне подозрительна эта внезапная смерть!

— Неужели ты думаешь...

Фернштейн не договорил, но их глаза встретились, и они поняли друг друга без слов. Несколько минут длилось молчание, наконец барон сказал:

— Я получил только известие о смерти. Рансдальский пастор сообщает мне о ней несколькими короткими, формальными фразами. Очевидно, ему было известно, кто такой Иоахим и откуда он, потому что на письме стояло мое полное имя и адресовано оно в Гунтерсберг.

— А мальчик? Бернгард? — спросил Фернштейн.

— Он вернется, наконец, в семью, — с ударением ответил Гоэнфельс. — И то уже плохо, что мы были вынуждены хоть на время оставить его с отцом. Энергичная женщина удержала бы сына возле себя — после всего, что произошло, этого можно было бы добиться; но моя невестка была лишена даже материнского чувства. Шалун-мальчик только мешал ей спокойно жить; надо было уговаривать ее и подталкивать, чтобы она что-то делала; но неожиданно явился Иоахим и забрал сына, и она уступила без сопротивления. Правда, тогда было уже поздно что-либо делать, он требовал лишь удовлетворения своего отцовского права.

Он замолчал, потому что дверь приоткрылась, и еще по-детски звонкий голос спросил:

— Можно войти, папа?

Фернштейн, быстро обернувшись, произнес:

— Это мой мальчик! Он приехал за мной. Войди, Курт.

В комнату вошел красивый, стройный мальчик лет пятнадцати с темной кудрявой головой, све-

жим, открытым лицом и блестящими глазами. Он без всякой робости и смущения подошел к барону и протянул ему руку.

— Здравствуй, дядя Гоэнфельс!

Барон окинул его удивленным взглядом.

— Какой ты стал большой, Курт!

— Ты не видел его два года, — вмешался отец, — с тех пор как он учится в Ротенбахе, в заведении Бергера. Он уже, так сказать, перерос домашних учителей, а так как нынче от молодежи требуется так называемое высшее образование, то я и поместил его туда. Собственно говоря, это глупо: их пичкают там латынью да греческим, а зачем они ему? Ну, да ладно, пусть мальчик пройдет эту канитель, а потом я пошлю его на два года в высшее сельскохозяйственное училище, чтобы он выучился там чему-нибудь разумному и практичному; ведь он со временем должен будет принять под свое руководство Оттендорф.

— Я не буду заниматься сельским хозяйством, ты это знаешь, папа, — заявил Курт очень твердо.

— Ты опять за свое? Выкинь эту дурь из головы! Говорю тебе, из этого ничего не выйдет.

— Ты не хочешь быть хозяином на земле? Кем же ты будешь? — спросил барон.

— Моряком! — воскликнул Курт. — Я хочу увидеть весь мир! Я поступлю на флот и, конечно, стану адмиралом!

— «Конечно»? Ты метишь довольно высоко, но это хорошо: надо всегда ставить себе цель повыше, тогда будешь продвигаться вперед.

— Ты еще поддерживаешь его в этой глупости? — с гневом спросил Фернштейн. — С тех пор, как мальчишка погостил у моего шурина в Киле, он только и думает об этом проклятом море! Он разгуливал по всем пароходам, катался в лодке под парусом и вбил себе в голову, что станет моряком. Но я этого не потерплю; я уже десять раз говорил ему это!

— В таком случае я сбегу, папа, — объявил Курт с полнейшим спокойствием, — даже если мне придется стать юнгой. Я поплыву прямо на тихоокеанские острова к каннибалам и пришлю тебе оттуда открытку.

— Только посмей! — вспыхнул отец. — Ты воображаешь, что я отпущу единственного сына подвергаться опасностям? Насмотрелся я на это в Киле, моряки лазят по реям, как кошки! Стоит упасть, и нога сломана. Да еще, пожалуй, акула съест.

— Я не упаду, — возразил Курт, — а на акулу мне наплевать.

— Коротко и ясно! Ты должен оставаться на суше! — решительно заявил отец. — Твое место в Оттендорфе! Прошу без глупостей!

— Ступай пока в парк, Курт, — вмешался Гоэнфельс, — мне надо еще поговорить с твоим отцом.

Курт вышел из комнаты, но едва переступил порог, тут же снова просунул голову в дверь и крикнул:

— Я буду моряком, папа, и баста!

— Ах ты, проклятый мальчишка! — и отец с гневом сорвался с места, но дверь захлопнулась, и мальчик убежал.

— Твой сын, кажется, не особенно с тобой почтителен, — сухо заметил Гоэнфельс. — «Сбегу»! И он смеет говорить это тебе в глаза!

— Он еще подумает, прежде чем в самом деле сделает это, и я не посоветовал бы ему пробовать. Сумасбродная мальчишеская фантазия, ничего больше! В таком возрасте всем им хочется удрать из дому и обрыскать весь мир. Я сумею с ним справиться, если дойдет до этого.

— Да, уж без этого не обойдется! Боюсь, твой Курт из тех, которым не сидится на своем клочке земли. Почему, собственно, ты не хочешь уступить его желанию?

— Этого только недоставало! Что же тогда будет с Оттендорфом, старинным родовым именем, в котором хозяйничал еще мой дед? Неужели ты хочешь, чтобы после моей смерти оно попало в чужие руки, было продано, а деньги растрочены? Моя дочь выйдет замуж и уедет бог весть куда, а мальчик должен остаться при мне, и уж я сумею сделать из него хозяина. Почтения-то у него, действительно, маловато. Когда я сержусь, он только трясется от хохота и под самым моим носом кувыркается через голову.

— И тогда ты хохочешь вместе с ним, — прибавил Гоэнфельс. — Я бы иначе воспитывал его. Он бойкий мальчик и полон энергии. Если бы он был моим, я многое отдал бы за это.

В последних словах послышалась грусть. Фернштейн сочувственно кивнул головой.

— Да, действительно, судьба отказала тебе в сыне, а для тебя это особенно важно, потому что

Гунтерсберг — майорат. А как теперь здоровье твоей дочери?

— По-прежнему. Это для нас источник постоянной тревоги. Мы уже перепробовали всевозможные средства, но ничто не помогает. Доктора толкуют о слишком восприимчивой нервной системе, о малокровии и тому подобных вещах и утешают нас обещанием, что с возрастом девочка окрепнет, но пока она остается все такой же слабой, а ведь она у нас одна.

Впервые в голосе барона дрогнуло сдержанное волнение, но он быстро изменил тему разговора:

— Оставим это, все равно ничего не изменишь. Мне надо поговорить с тобой о важном деле. Я послал за Бернгардом в Рансдаль своего секретаря, на которого могу вполне положиться, и жду его возвращения на будущей неделе. Но, как нарочно, именно теперь мне необходимо отлучиться — это поездка по служебному делу, и я должен ехать вместо министра, а моя жена с ребенком еще на водах. Я хотел попросить тебя до моего возвращения приютить мальчика у себя в Оттендорфе.

— С удовольствием, — согласился Фернштейн. — У Курта каникулы, и значит, твой племянник найдет у нас себе товарища. Боюсь только, что он порядком одичал — все-таки отцовское воспитание...

— Я боюсь еще худшего, потому что, кажется, он унаследовал отцовскую кровь. С матерью, по крайней мере, раньше, у него не было никакого сходства. Но, как бы то ни было, его зовут Бернгардом фон Гээнфельсом.

— Как и тебя. Ты ведь крестил его.

— А теперь я его опекун и позабочусь, чтобы он не пошел по пути Иоахима, — многозначительно прибавил барон.

— Ты же не сумел справиться с братом, — заметил Фернштейн.

— Потому что на него вовремя не надели узды. Все его ласкали и баловали, он был любимцем родителей, мог позволить себе все и все позволял другим. Когда его безумства начали принимать опасный характер, было уже поздно. Бернгарду всего пятнадцать лет, с ним еще можно справиться, и я заставлю его слушаться, если понадобится.

— Ему придется-таки поплатиться за то, что он сын Иоахима, — с грубой откровенностью сказал Фернштейн. — Скажи честно, ты ведь никогда не любил младшего брата?

Между бровями барона появилась складка, когда он ответил:

— У нас были слишком разные натуры, чтобы мы могли понять друг друга. Иоахим, своевольный, непостоянный, был лишен всякого чувства долга и вечно впадал из одной крайности в другую, я же полная противоположность ему во всем. Когда мы были детьми, он насмехался надо мной, называя меня скучным, премудрым ментором, а позже, когда я стал настаивать, чтобы отец принял решительные меры, Иоахим возненавидел меня со всей страстностью своей натуры. Может быть, я был суров, но я не в состоянии снисходительно относиться к тому, как он порвал с нами, как растоптал ногами все, что нам было дорого и свято. Плохое наслед-